

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 130—143.

Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 130—143.

Научная статья

УДК 618.2-055.2(470+571)"18/19"

EDN: <https://elibrary.ru/cgrgoh>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.10

**«Я ЗАКРИЧАЛА: ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ, Я ПОЙДУ МУЖИКОВ
ВЗБУНТЮЮ!»: АКУШЕРКИ-ФЕЛЬДШЕРИЦЫ В РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.**

*Лилия Рамилевна Габдрафикова,
Елена Валерьевна Миронова*

Институт истории им. Шигабутдина Марджани,
Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, bahetem@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессы становления профессии акушеров и характер медицинской деятельности женщин в Казанской губернии в конце XIX — начале XX в. На основе архивных, периодических и статистических материалов, а также опубликованной делопроизводственной документации уездных земств Казанской губернии 1870-х—1900-х гг. показана подготовка акушерских и фельдшерских кадров в различных учебных заведениях страны и губернии, проанализированы мотивы, побуждавшие женщин выбирать медицинские специальности, а также причины переезда столичных жительниц в провинцию для осуществления врачебной практики. Авторами изучены условия труда акушеров, в частности, размеры жалования, должностные обязанности, взаимоотношения с коллегами, уездной и губернской администрацией, а также с крестьянским населением. Показаны социальные барьеры на пути женщин, стремившихся заниматься медицинской практикой. Сделан вывод о привлекательности медицинских профессий как способа обеспечения экономической независимости, несмотря на трудности, с которыми женщинам приходилось сталкиваться в трудовой деятельности. Акцентируется внимание на этноконфессиональной специфике Казанской губернии. Приведены примеры родовспомогательной практики в среде мусульманок.

Ключевые слова: Казанская губерния, акушерство, женщина-врач, земская медицина, акушерские курсы, эмансипация, татарки-мусульманки

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Академии наук Республики Татарстан 2024 г. на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

Для цитирования: Габдрафикова Л. Р., Миронова Е. В. «Я закричала: что вы делаете, я пойду мужиков взбунтую!»: акушерки-фельдшерицы в российской провинции на рубеже XIX—XX вв. // Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 130—143.

Original article

**“I SHOUTED: WHAT ARE YOU DOING, I’LL GO AND STIR UP
THE MEN!”: MIDWIVES AND FEMALE PARAMEDICS
IN THE RUSSIAN PROVINCES AT THE TURN
OF THE 19th AND 20th CENTURIES**

**Liliya R. Gabdrāfikova,
Elena V. Mironova**

Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation, bahetem@mail.ru

Abstract. The article examines the processes of establishing the midwifery profession and the nature of women's medical activities in the Kazan province in the late 19th and early 20th centuries. Based on archival, periodical, and statistical materials, as well as published administrative documentation from the district country councils of the Kazan Governorate from the 1870's to the 1900's, the training of midwives and paramedics at various educational institutions in the country and the governorate was demonstrated. The motives that prompted women to choose medical professions were analyzed, as well as the reasons why women from the capital moved to the provinces to practice medicine. The authors studied the working conditions of midwives, in particular, their salaries, job responsibilities, relationships with colleagues, district and provincial administrations, and the peasant population. The social barriers faced by women seeking to pursue medical careers are highlighted. The authors conclude that women were interested in medical professions as a means of achieving economic independence, despite the difficulties they faced in their work at that time. In addition, it is emphasized that medical specialties were chosen by girls from wealthy families, as only they could afford to pay for tuition, or local authorities sent their scholarship recipients to educational institutions. The authors focused on the ethnic and religious characteristics of the Kazan province. Examples of midwifery practices among Muslim women are provided.

Key words: Kazan Province, obstetrics, midwifery, female doctors, local medicine, obstetrics courses, emancipation, Muslim Tatar women

Acknowledgements: This work was supported by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (2024) for fundamental and applied scientific research in scientific and educational institutions, enterprises, and organizations in the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

For citation: Gabdrāfikova, L. R., Mironova, E. V. (2026) “Ia zakrichala: chto vy delaete, ia poīdu muzhikov vzbuntuiu!”: akusherki-fel'dsheritsy v rossiiskoi provintsii na rubezhe XIX—XX vv. [“I shouted: what are you doing, I’ll go and stir up the men”: midwives and female paramedics in the Russian provinces at the turn of the 19th and 20th centuries], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 130—143.

Введение

Одной из «женских» профессий XIX в. стало акушерство. Появление образованных «повивальных бабок» по всей Российской империи свидетельствовало не только о распространении научной медицины в стране, но и о развитии женской эмансипации. Тема акушерства в Российской империи неоднократно становилась предметом изучения отечественных исследователей. В частности, были рассмотрены такие вопросы, как профессионализация акушерского труда в конце XVIII — начале XX в. [Мицюк, 2021], подготовка научных трудов по акушерству [Мицюк, 2017] и ряд других вопросов в контексте общероссийской истории [Мицюк, 2022]. Все эти труды показывают невероятную сложность медиализации населения в условиях Нового времени и становления профессии акушерок. Кроме того, они носят междисциплинарный характер, соединяют историю медицины с гендерными исследованиями. В этой связи представляется актуальным дополнение данного направления научных изысканий новыми сюжетами, в том числе с привлечением региональных архивных материалов.

Казанская губерния представляла собой один из уникальных регионов Российской империи, где имелись и свои этноконфессиональные особенности, и развитая земская медицина, и университетская клиническая база. Между тем вопросы акушерства в Казанской губернии не становились предметом отдельного исследования и в основном рассматривались как часть становления земской медицины [Саматова, 2016; Валеева, 2019; Миронова, 2020].

Клиническая медицина, с одной стороны, ставит врачей и вспомогательный медицинский персонал на определенный пьедестал, т. к. именно они управляют своими пациентами [Фуко, 2010: 24]. С другой стороны, акушерки-фельдшерицы работали под началом этих врачей и находились в зависимом от них положении, их трудовые отношения были усугублены, в том числе, гендерным различием [Пушкарева, 1985]. Кроме того, женский статус делал их особенно уязвимыми перед властью и обществом. На это обращали внимание и зарубежные исследователи [Энгель, 2023: 151]. Но даже в данных исторических обстоятельствах женщина могла иметь собственную субъектность и могла стать частью женского движения [Пиэтров-Эннкер, 2005].

Цель данного исследования — изучение женщин Казанской губернии, занятых в акушерско-фельдшерской службе на рубеже XIX—XX вв.: историко-антропологический подход может помочь выявить аспекты жизни провинциальных акушерок, которые раскрывают особенности этой женской профессии с нового ракурса. Документы из различных фондов Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), личные дела акушерок и фельдшериц, сохранившиеся в канцелярии губернатора, Губернском правлении, в земских управах, опубликованные статистические материалы уездных земств Казанской губернии, отчетная документация фельдшерско-акушерских школ и источники личного происхождения позволят обрисовать трудовые будни этих женщин, взаимоотношения с коллегами, социально-экономическое положение.

Акушерки в Казанской губернии в последней трети XIX века

Акушерки и фельдшерицы сталкивались с разными трудностями в частной и профессиональной жизни. В пореформенное время они работали в системе земской

медицины. Жалованье зависело от нагрузки, которая определялась размером участка. Например, в конце 1870-х гг. в Лаишевском уезде Казанской губернии акушерки менее многочисленного, третьего, участка получали 120 руб. в год, а первого и второго — в 2,5 раза больше. Кроме того, компенсировались расходы на разъезды и наем квартир [Саматова, 2016: 263]. При этом в среднем по Российской империи жалованье акушерок варьировалось от 250 до 400 руб. в год [Мицок, 2022: 251].

Профессиональную подготовку будущие акушерки проходили в специальных школах. Появлялись они и в губернских центрах. В 1873 г. в Казани открылся Повивальный институт (школа) при медицинском факультете местного университета [Валеева, 2019: 323]. Заинтересованные в подготовке собственных кадров земства назначали стипендии для учениц, по окончании учебного курса они проходили службу в уездных больницах¹. К слову, согласно документам Повивального института Казанского университета, и в 1900-е гг. выпускницам присваивали звание «Повивальной бабки», а вот устраивались они тогда уже на должность «акушерок»².

Но общее количество акушерок оставалось тогда незначительным. Например, в 1889 г. в земских больницах Казанской губернии работало по 1 акушерке, в Казани и Цивильске было по 2, а в Чистополе, Царевококшайске и Ядрине не было ни одной³. Обязанности акушерок были обширными: они не только принимали больных, но и разъезжали по деревням (принимали роды и навещали рожениц в течение первых дней), составляли ежегодные отчеты о своей работе, а также выполняли ряд функций вне своей служебной компетенции — заведовали хозяйством в уездных больницах, проводили осмотр вместо фельдшера, выезжали в летний период для оспопрививания. Поэтому постепенно их заменяли окончившие фельдшерскую школу акушерки-фельдшерицы с более высоким окладом. Со временем акушерки-фельдшерицы становились рядовым явлением в провинции, а вот работать с женщиной-врачом готовы были тогда не все.

В 1880 г. в Казанскую губернию приехала уроженка г. Вильно, выпускница Петербургских высших женских курсов Екатерина Ивановна Карасинская. Она была медиком, участвовала в русско-турецкой войне. 34-летняя женщина планировала устроиться врачом в Спасское уездное земство. Но на месте ей предложили формально занять должность фельдшерицы, а фактически выполнять обязанности врача. В провинциальном обществе, как и в органах власти, в 1870-е гг., очевидно, еще были сильны убеждения о недопустимости женщин на службе в государственных и общественных учреждениях. Е. И. Карасинская отказалась от такого трудоустройства. Впоследствии она занималась частной практикой в Казани. Ее работу ценили, особенно пациентки-татарки. Для них, в силу традиционных мировоззренческих установок, было важно, что им оказывает врачебную помощь именно женщина. К сожалению, Е. И. Карасинская скончалась в 1887 г. во время родов. Первые роды в 42-летнем возрасте стали для нее смертельными.

В некрологе Е. И. Карасинской в газете «Казанский биржевой листок» пишут, что в 1880 г. ее трудоустройство в Спасском земстве не состоялось из-за особых

¹ Отчет Лаишевской уездн. земской управы о состоянии уездн. земского хозяйства в 1867/1868 г. Казань: Губ. тип., 1868. С. 19.

² Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 3—4.

³ Памятная книжка Казанской губернии за 1889—1890 гг. Казань: тип. Губ. правл., 1890. 317 с.

взглядов женщины-врача, посчитавшей такой компромисс недопустимым для положительного разрешения «женского вопроса» [Габдрафикова, 2013: 370—372]. В целом именно со сферой медицины были связаны имена первых активисток женского движения в России (В. А. Кашеварова-Руднева, Н. П. Суслова и др.) [Пиетров-Эннкер, 2005: 244—247]. Е. И. Карасинская тоже сформировалась в духе либеральных идей 1860-х гг. и ее обращение именно в Спасское уездное земство, известное широкими связями с «вольнодумцами» пореформенной эпохи, тоже не случайно.

Однако уже в 1870-е гг. некоторые женщины-медики предпочитали другие сферы деятельности. Например, в 1871 г. в Казани супруги Шумковы открыли частную начальную школу. Лидия Петровна Шумкова в прошлом трудилась акушеркой. В последующем именно под ее руководством школа станет успешной женской гимназией. Ее многолетняя помощница П. Ф. Веселова тоже ранее была акушеркой, но переключилась на педагогическую сферу⁴. Тут надо отметить, что акушеров-фельдшериц (впрочем, как и учительниц) нередко подозревали в противоправительственных настроениях. Например, за Л. П. Шумковой в 1886—1888 гг. был установлен негласный надзор казанской полиции, т. к. ее связывали с последователями социал-демократических идей⁵, что не нашло прямого подтверждения в дальнейшем. Такая подозрительность в отношении Л. П. Шумковой была продиктована общей обстановкой в Казани, где появились первые марксистские кружки (так, в одной из сходов участвовал в 1887 г. и студент университета В. И. Ульянов). Организатором значился бывший гимназист Н. Е. Федосеев, летом 1889 г. он сам и многие его соратники были арестованы.

«Недостойное поведение врача», или случай Александры Филипповой

На этом фоне в Тетюшском уезде Казанской губернии в 1887 г. случился конфликт между акушеркой Филипповой и врачом Тихомировым. Надо отметить, что работа под руководством врачей-мужчин добавляла женщинам дополнительные сложности в становлении этой профессии. Конфликт Филипповой и Тихомирова, с одной стороны, имел сексуализированный характер, с другой — политический оттенок из-за неверного толкования высказанных во время ссоры слов. А. И. Филиппова была родом из Симбирской губернии: окончила Алатырскую женскую прогимназию, затем сдала экзамены при Казанском университете на звание «повивальной бабки»⁶. С начала 1880-х гг. она работала в Тетюшском уезде Казанской губернии. По данным 1879 г., в штате земской медицины Тетюшского уезда тогда было 2 врача и 12 вспомогательных специалистов (8 фельдшеров, 1 фельдшерица и 1 акушерка). В уезде проживало 146 196 человек, на каждого специалиста приходилось 1426 пациентов в году или по 4 человека каждый день⁷. Летом 1887 г. А. И. Филиппову направили в татарскую деревню Кабаланы, где она заняла должность фельдшерицы-акушерки при земской больнице и приступила к обязанностям 1 августа 1887 г., а уже 23 сентября случился инцидент, который повлек за собой разбирательство в органах власти. О произошедшем А. И. Филиппова сообщила не сразу, а лишь 28 октября 1887 г. «Врач г. Тихомиров оной больницы применил мне насилие под предлогом

⁴ Казанская частная женская гимназия с 1871 по 1910 г. Казань: Центральная тип., 1910. С. 18—19.

⁵ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7054. Л. 4.

⁶ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 1.

⁷ Журналы XVI очередного Тетюшского уездного земского собрания, состоявшегося 25—28 сентября 1880 г. Казань: тип. Губ. правл., 1881. С. 73.

служебной обязанности», — начала она свое обращение. Ранним утром 23 сентября врач вернулся в больницу из рабочей поездки и постучался к ней в дверь. Она занимала одну из комнат в больнице. При ней же находилась ее 12-летняя родственница⁸. Акушерка спала, но быстро отреагировала на слова врача о том, что нужно переговорить о роженице. В жалобе она описала то утро: одевалась «не более 10 минут», а Степан Дмитриевич Тихомиров «нетерпеливо стучал» в дверь и ругал за медлительность, угрожая увольнением. Но вызов не был связан с медицинским случаем: «Я подошла к столу, где стояла лампа, которую врач мигом потушил, схватил меня сильно руками и свалил на кушетку, тут стоящую, для осмотра больных»⁹. Ей удалось убежать в соседнюю палату («под защиту больных и служащих»), а потом запереться в своей комнате. Тихомиров пытался открыть дверь. «Шум дребезжавших под дверью стеклянных рам разбудил всех и вышедший смотритель, уговаривая врача, просил его идти в свою квартиру, которая находится в отдельном от больницы здании на дворе»¹⁰. Врач был в нетрезвом состоянии, его буйное поведение не было для коллег открытием. В отличие от них, акушерка Филиппова была в замешательстве, не зная, как реагировать на «недостойное поведение врача».

Она собиралась написать обо всем родным, но через неделю в больнице случился новый скандал с последствиями. На этот раз при проверке хозяйственной части больницы серьезно повздорили Тихомиров и смотритель-фельдшер Румянцев. Именно он пытался усмирить врача утром 23 сентября. 7 октября 1887 г. врач пожаловался исправнику на «буйство» фельдшера. В этом вопросе акушерка выступала свидетелем и придерживалась стороны Румянцева. «Врач под предлогом служебной обязанности вызвал меня запискою к себе в квартиру 14 октября в 9 часов вечера, насильственным образом склонял меня на свою сторону, предупреждая, что он как начальник имеет власть доносить начальству, делать выговоры, уволить, и, не имея возможности ни угрозой, ни лаской склонить меня на ложное показание, отобрал у меня ключи от медикаментов и хирургических вещей и разного рода принадлежностей для больных»¹¹.

На следующий день Тихомиров нагрубил не только ей, но и пациентке (ею оказалась супруга фельдшера Румянцева), поскольку Филиппова продолжала распорядиться лекарствами, что вызвало гнев врача. Врач обозвал ее «мерзавкой, развратницей» и в ответ на ярость и оскорбления начальника она закричала: «Что вы делаете! Я пойду мужиков взбунтую». Тихомиров зацепился за сказанное, и А. И. Филиппова была вынуждена оправдываться, что она не против правительства или дома Романовых. «Взбунтую я в защиту себя, за мной нет стражи, как за вами, я — скромная девушка, далеко от родных в глуши среди татар, людей, непонимающих русского языка», — воссоздавала она свою прямую речь позднее¹². Слова А. И. Филипповой о «бунте» не остались без внимания — местный исправник был тестем С. Д. Тихомирова. Через два дня к акушерке приехал становой пристав и потребовал объяснений. Такое внимание напугало ее, и она решила признаться в домогательствах со стороны врача. Сначала она обратилась в Тетюшское земство, где служила 7 лет, и, не дождавшись приезда членов управы в д. Кабаланы, 28 октября 1887

⁸ Характерный момент повседневности женщин-медиков: ребенок при них. Ребенок выступал своеобразным «талисманом», защитником репутации одинокой женщины.

⁹ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 3.

г. написала в канцелярию губернатора (боясь уголовного наказания и лишения должности)¹³.

На запрос губернатора тетюшский исправник ответил, что заявлений от Филипповой об инцидентах 23 сентября и 15 октября не поступало. Позднее свое видение ситуации в письменном виде подал и Тихомиров; он писал, что акушерка «сначала довольно усердно занималась своим делом», но потом «охладела к занятиям, став проводить время в праздности, пустяках, неприличных разговорах, пляске (танцевала даже канкан) и пьянстве». Компанию Филипповой, по его словам, составляли фельдшер Румянцев и даже «татары д. Кабаланы». Показательно, что в обращениях к власти местное население использовалось для усиления нарратива. Если акушерка подчеркивала с их помощью указания неординарных условий работы («в глуши среди татар, людей, непонимающих русского языка»), то врач указывал на вредное влияние Филипповой на них («спайвала водкой татар»). Т. е. «татары» могли, в зависимости от рассказа, выступать и как неуправляемая сила, и как жертва обвиняемого.

Помимо пристрастия к алкоголю, не обошлось в объяснительной начальника и без указания на безнравственное поведение своей подчиненной. Он утверждал, что она состоит в любовной связи с фельдшером («целовалась», «позволяла держать себя за груди»). «Мне приходилось ей в адекватной форме давать намеки на ее неправильную жизнь», — отмечал Тихомиров. Тем не менее, несмотря на «некоторые вольности и неприличные поступки», врач подчеркивал, что трудовые отношения были «вполне нормальные и совершенно удовлетворительные», «акушерка была вежлива, беспрекословно исполняла требования по службе»¹⁴. Он считал, что открытая враждебность появилась лишь после 13 октября. Врач упоминал вечерний визит акушерки в его квартиру, а также ее заявление на следующий день с угрозой «взбунтовать» кабалановских крестьян¹⁵.

Это дело закрыли довольно быстро. 11 ноября 1887 г. дознание по жалобе акушерки А. И. Филипповой «на оскорбление и на покушение производства над ней насилия» врачом 3-го участка С. Д. Тихомировым было прекращено из-за отсутствия «состава преступления»¹⁶. Между тем дальнейшие действия Тетюшской земской управы указывают на серьезные основания заявительницы. Было принято решение об освобождении от должности земского врача С. Д. Тихомирова, причем «без аттестации». Акушерка Александра Ивановна тем временем продолжала работать в Кабалановской больнице. Ее бывший начальник был убежден, что она «одним почерком пера» заставила уволить его. После этого Сергей Дмитриевич вместе с семьей уехал в Казань и начал искать новое место. Надо отметить, что со стороны казанского губернатора на это «не было никаких препятствий»¹⁷.

О проверке благонадежности «в политическом и нравственном отношении»

Проверка «политической благонадежности» акушеров и фельдшериц особенно усилилась в годы первой русской революции. Губернаторские канцелярии и

¹³ Там же. Л. 4 об.

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 25 об.

¹⁶ Там же. Л. 32.

¹⁷ Там же. Л. 33—34.

жандармские службы разных губерний постоянно уточняли друг у друга данные соискательниц на должности медиков. Например, 28 марта 1906 г. екатеринославский губернатор запрашивал у казанского губернатора сведения о двух фельдшерицах, уроженках Казани, З. А. Тихомирновой и М. М. Кунавиной. Девушки устраивались в Екатеринославской губернии оспопрививательницами. Казанская полиция сначала дала обоим положительные характеристики, однако позднее губернское жандармское управление отправило справку о связи первой с социал-демократической партией¹⁸. Кроме политической благонадежности, работающим женщинам нужно было подтверждать перед обществом и властью свою нравственную чистоту, в некоторых случаях и в половом смысле [Энгель, 2023: 174].

Судя по всему, такая требовательность иногда приводила к трагическим последствиям. Например, 2 июля 1902 г. в Спасском уезде Казанской губернии произошла трагедия — «самоотравление» фельдшерицы-акушерки Татьяны Петровны Рахмановой. Причиной неожиданной смерти молодой женщины стал морфий, поводом — подозрения, подвергнувшие сомнению ее «благонадежность в политическом и нравственном отношении». Она устроилась на 3-й медицинский участок Спасского уезда при Полянской земской больнице в начале апреля того года, ей назначили оклад в размере 40 руб. в месяц, т. е. годовое жалованье должно было составить не менее 440 руб. При написании прошения о принятии на работу от 15 февраля 1902 г. Т. П. Рахманова предъявила диплом об окончании акушерских курсов и свидетельство Императорской Военно-Медицинской академии клиники профессора Рейна. Своим местожительством она указала Петербург, набережную реки Пряжка, д. 46, кв. 10¹⁹. Пока проверяли ее документы, фельдшерицу-акушерку трудоустроили в Спасском земстве лишь временно. На процедуру согласования всех документов ушло больше двух месяцев. 10 июня 1902 г. в Спасское пришло сообщение из Казани о том, что Т. П. Рахманова указала недостоверные сведения о себе и требуется «немедленно доставить точные и достоверные данные» о ее предыдущем местожительстве²⁰. Как видно из пояснения акушерки от 23 июня того же года, она проживала в Петербурге до декабря 1901 г., но по другому адресу — в клинике баронета Виллие на Большом Сампсониевском проспекте. Вероятно, это было местом ее работы. С конца декабря 1901 г. она находилась в пригороде, в доме своего отца, на Лесном участке²¹. Возможно, другой адрес был указан ею для удобства переписки со Спасским земством. Для подтверждения своих слов акушерка «прилагала паспортную книжку, если таковая нужна»²². Но 3 июля 1902 г. врач 3-го медицинского участка отправил в уездный город короткое сообщение о ее смерти в Полянской больнице²³. Спустя две недели нашли по тому самому «достоверному адресу» ее отца — неграмотного крестьянина Петра Рахманова, которому местный пристав сообщил о самоотравлении дочери в далеком Спасском уезде Казанской губ.²⁴. Остается лишь догадываться, как еще одна

¹⁸ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2496. Л. 1—8.

¹⁹ ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2052. Л. 1—3.

²⁰ Там же. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 10.

²² Там же. Л. 12.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 14 об.

петербурженка оказалась в Спасском уезде. Безусловно, здесь нельзя исключать широкие неформальные связи между интеллигенцией разных губерний.

Социально-экономическое положение акушеров и фельдшериц

«Скоропостижная кончина» не была редкостью в трудовой практике акушеров и фельдшериц. Как и врачи, они находились в зоне постоянного риска из-за контакта с больными, среди которых встречались и носители различных инфекций. В том же Спасском уезде в 1900 г. после четырех лет службы умерла молодая фельдшерица Анастасия Ивановна Антонова. Она была выпускницей Казанской земской фельдшерской школы. Сначала ее хотели взять фельдшерицей-акушеркой, но она отказалась, сославшись на отсутствие соответствующего диплома и достаточной практики²⁵. А. И. Антонова работала в Спасском земстве с июля 1896-го по декабрь 1900 г. Коллеги отмечали ее «почти пятилетнюю полезную и безупречную службу». После смерти фельдшерицы выяснилось, что у нее не было «никаких средств» и земство приняло на себя расходы по ее погребению. Судя по всему, у А. И. Антоновой не было и родственников, готовых взять на себя это²⁶. 2 февраля 1907 г. умерла акушерка Мария Симашенко, работавшая в Лаишеве. При этом в январе того года ее перевели на 6-й участок г. Казань, но она не успела даже перебраться из уездного центра в губернский город²⁷.

Для некоторых девушек работа акушеркой или фельдшерицей была единственной возможностью вырваться из родительского попечения и вести самостоятельную жизнь. Например, фельдшерица Зинаида Тихомирнова, дочь казанского купца, вспоминала, что сначала хотела стать певицей («но отец не отпустил из Казани»), после этого в 1900 г. она поступила в фельдшерскую школу²⁸.

Казанская земская фельдшерская и фельдшерско-акушерская школа открылась в начале XX в. Туда принимались лица старше 16 лет обоего пола, всех сословий и вероисповеданий, окончившие 4 класса государственных (правительственных) общеобразовательных школ. При этом для жителей Казанской губернии предоставлялись существенные льготы: если годовая плата за обучение для них составляла 10 руб., то для жителей других губерний — 40 руб. в год. Фельдшерский курс составлял 3 года, а фельдшерско-акушерский — 4 года²⁹. Преимущественно «женский» характер этих профессий показывают последующие отчеты учебного заведения. В 1911/12 учебном году в школе числилось 117 учениц и 26 учеников³⁰. В сословном отношении учились здесь, в основном, женщины из мещан и крестьян — 93 человека. Большинство учениц были незамужними (106 человек), лишь 5 состояли в браке, а 6 женщин являлись вдовами. Конечно, среди учащихся преобладала возрастная группа от 17 до 25 лет. Но встречались и те, кому исполнилось 30 лет и старше. Самой старшей ученице был 41 год. Интересен и этнический состав учащихся. Кроме русского

²⁵ ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2042. Л. 3.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 4.

²⁸ ГА РТ. Ф. П30. Оп. 3. Д. 2704. Л. 15.

²⁹ Правила для учащихся Казанской земской фельдшерской и фельдшерско-акушерской школы. Казань: Типо-литография Окружного Штаба, 1907. С. 5—6.

³⁰ Отчет Педагогического Совета о состоянии Казанской Земской Фельдшерско-акушерской школы за 1911—1912 учебный год. Казань, 1912. С. 1.

большинства, стремились получить эту профессию в Казани в 1911 г. четыре еврейки, три чувашки, две полячки, немка и шведка³¹.

«В фельдшерской школе я близко столкнулась с нуждой большинства учащихся, а также узнала, что среди нас были работники партии РСДРП», — вспоминала З. Тихомирнова уже в советское время³². Она сама выросла в богатой купеческой семье и эти проблемы не были ей знакомы. Профессия фельдшерицы не стала для нее источником заработка, в отличие от многих ее сокурсниц. Вплоть до 1917 г. Зинаида училась на частных женских курсах, позднее работала врачом в системе Наркомздрава³³.

Но для большинства девушек и женщин акушерство действительно стало источником дохода. Стремилась таким образом обрести «почву под ногами», прежде всего, девушки из небогатых семей, не имевшие родителей. Например, в 1903 г. получила свидетельство Повивального института Казанского университета Мария Лаврова. Она была приемной дочерью вдовы мелкого служащего (коллежского асессора). Сразу после успешного окончания обучения молодая девушка устроилась акушеркой в 6-м участке г. Казани³⁴. Даже по рекламным объявлениям рубежа XIX—XX вв. в провинциальной прессе можно увидеть, насколько большим спросом пользовались акушерские услуги (особенно анонимные роды). Реклама такого рода регулярно появлялась на страницах газет «Казанский телеграф», «Камско-Волжская речь» и других периодических изданий³⁵.

К этому времени казанскими врачами Бузуновым, Захарьевским, Климовичем, Клячкиным, Кривоносовым, Лурия была учреждена также частная женская фельдшерско-акушерская школа. Каждая ученица должна была провести не менее 20 самостоятельных приемов³⁶. Обучение в частной школе было значительно дороже, чем в земской. Вероятно, поэтому для подтверждения платежеспособности в правилах было примечание о том, что абитуриентки должны внести залог в размере 25 руб. Плата за обучение в этой школе составляла 100 рублей в год³⁷.

Профессию фельдшериц-акушеров выбирали и представительницы благородных семейств, причем не только из разорившихся дворян. Например, в Полянской земской больнице в июле 1902 г., почти сразу после кончины Т.П. Рахмановой, была трудоустроена Татьяна Сергеевна Геркен. Она была дочерью местной помещицы Любови Павловны Геркен, родовое имение которой находилось в с. Ромодан Спасского уезда. Претендентка летом 1902 г. окончила Казанскую фельдшерскую школу и сразу же была принята на работу в Спасское уездное земство Казанской губернии³⁸.

³¹ Там же. С. 2.

³² ГА РТ. Ф. П30. Оп. 3. Д. 2704. Л. 15.

³³ Там же. Л. 27 об.

³⁴ ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 4, 1.

³⁵ Казанский телеграф. 1895. № 656. 2 апреля; Камско-Волжская речь. 1913. № 100. 7 мая.

³⁶ Устав Казанской частной женской фельдшерско-акушерской школы. Казань: тип. Губ. правл., 1912. С. 2.

³⁷ Правила и сведения для учащихся Казанской частной женской фельдшерской школы. Казань: тип. Губ. правл., 1910. С. 1—2.

³⁸ ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2043. Л. 6, 3.

Этноконфессиональная специфика в работе фельдшерниц-акушеров

Казанская губерния, впрочем, как и сопредельные территории, отличалась полиэтническим составом населения. Безусловно, такая особенность влияла и на работу местной медицинской службы. Так, нерусские пациенты не всегда доверяли русскоговорящим медикам. В этих условиях важной была не только подготовка собственных кадров, но и гендерный подход. Пациентки-татарки, например, чаще обращались к женщинам-медикам. Поэтому фельдшерницы-акушерки были особенно востребованы в этой среде. Это подтверждает и приведенный выше случай Е. И. Карасинской и А. И. Филипповой. Встречались даже ситуации, когда акушерка оказывалась единственным близким человеком для бывшей пациентки. Например, в 1902 г. в Казани купеческая жена Гайша Апанаева обратилась за помощью к акушерке Н. Нелидовой, когда нетрезвый супруг выгнал ее из дома с младенцем на руках. Позднее акушерка выступала в качестве свидетеля при бракоразводном процессе Апанаевых [Габдрафикова, 2013: 327].

Способность фельдшерницы или акушерки работать в инородческой среде (среди татар, чувашей и т. д.) земства обычно подчеркивали особо. Это учитывалось и при назначении им пенсии по выслуге лет [Татарские селения..., 2021: 232]. Кроме того, приветствовались медики-татарки. Например, в Мензелинском уезде Уфимской губернии в 1907 г. высоко оценили работу М. С. Резяповой во время эпидемии цинги. Участковый врач отмечал в отчете «ее татарское происхождение и ее язык, родственный больным», которые вместе с «ее приветливым отношением» позволили ей заслужить особую любовь среди пациентов [Татарские селения..., 2021: 238]. Вместе с тем появлявшиеся на рубеже XIX—XX вв. медицинские работники из женщин-татарок воспринимались мусульманским населением не всегда однозначно. Например, по словам врача А. Сухарева, в Казанском уезде мало кто доверял акушерке-татарке. Для русского населения медицинского участка было непривычно видеть акушерку-мусульманку, а сами татары не одобряли профессиональную деятельность незамужней женщины [Габдрафикова, 2013: 304]. Показательно и то, что упомянутая выше М. С. Резяпова работала еще в 1907 г. лишь временно и только в период эпидемии в качестве сестры милосердия. Между тем Марьям Мирсаидовна Резяпова с 1902 г. училась в Санкт-Петербурге на медицинских курсах [Биктимирова, 2011: 167]. Поэтому она могла бы как выпускница профильного учебного заведения занимать и более высокую профессиональную позицию. Однако такая возможность для нее открылась лишь после начала Первой мировой войны: с 1914 по 1925 гг. М. С. Резяпова заведовала Кармаскалинской земской больницей в Уфимском уезде. В целом, если обратить внимание на опыт первых женщин-врачей из татарок (Разия Кутлуярова-Сулейманова, Суфия Кулахметова-Агеева, Рукия Губеева-Кутлубаева и др.), профессиональную деятельность они осуществляли, будучи либо замужними женщинами, либо вдовами. Вероятно, такой социальный статус вызывал большую лояльность у традиционной части татарского сообщества.

В начале XX в. с развитием земской медицины образованные и состоятельные татарские семьи все чаще прибегали к помощи медиков, в том числе акушеров. В 1912 г. по инициативе Мусульманского благотворительного общества г. Казани открылось родовспомогательное лечебное учреждение для мусульманок (татарок). Открытие мусульманского роддома («вилядатхана» на татарской книжной лексике начала XX в.) было встречено образованными татарками положительно. В 1913 г. известная вероучительница из Казани Магруй Музаффария отмечала, что в

учреждении работают грамотные акушерки и женщины теперь больше полагаются на них, нежели на традиционных повитух [Габдрафикова, 2025: 57].

Накануне 1917 г. в фельдшерско-акушерской службе были задействованы десятки татарок. Еще больше их стало в первые годы советской власти: среди них и Амина Валиулловна Алимбек. Ее профессиональная деятельность любопытна тем, что она участвовала в становлении дипломатической миссии Советской России в Саудовской Аравии. Как акушерку-мусульманку ее пригласили на работу в больницу г. Рияд, а также для медицинского надзора за пациентками из дворца саудовского короля [Таиров, 2008: 283—285].

Выводы

Изучение архивных и других материалов, связанных с жизнью фельдшериц и акушерок Казанской губернии, показывает, что данная профессиональная область имела свои особенности. Самостоятельность таких женщин была вызовом для общества и власти. Ассоциирование (иногда небезосновательное) земских медиков с нелегальными кружками и партиями осложняло жизнь работающих женщин — любые их высказывания и действия могли быть интерпретированы в негативном ключе. Все это приводило к некоторому оттоку женщин из сферы медицины в пореформенный период. Между тем к началу XX в. экономическая выгода такой трудовой деятельности привлекала в эти ряды все больше женщин из разных социальных групп. Кроме того, женщины таким образом реализовали свое стремление к эмансипации.

Хотя трудовая деятельность женщин на рубеже XIX—XX вв. была явлением достаточно новым и продолжало господствовать общее отношение к ним как к исключительно хранительницам семейного очага, постепенно происходили изменения в общественном сознании. Случай с фельдшерицей-акушеркой А. И. Филипповой показывает, что земство могло постоять за права женского персонала.

Этноконфессиональная специфика тоже оказывала определенное влияние на становление акушерской профессии в Российской империи. Неслучайно и первая женщина-врач В. А. Кашеварова-Руднева начинала свой путь в качестве акушерки среди мусульманок Оренбургской губернии. Поэтому фельдшерицы-акушерки были особенно востребованы и среди татарок Казанской губернии. Кроме того, в начале XX в. эту профессию выбирали и сами татарки-мусульманки. В их среде чаще всего встречались замужние женщины. Такой социальный статус, судя по всему, вызывал большее доверие в традиционном обществе.

Таким образом, несмотря на различные трудности в конце XIX — начале XX века акушерки и фельдшерицы стали обыденным явлением, расширяя возможности как для женщин, так и для социума в целом.

Список источников

- Биктимирова Т. А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татарское книжное издательство, 2011. 168 с.
- Валеева Н. Г. Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865—1914 гг.). М.: Перо, 2019. 472 с.
- Габдрафикова Л. Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX — начала XX века. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. 384 с.

- Габдрафикова Л. Р. Татарская женщина на рубеже XIX—XX вв.: традиции и новации в уходе за детьми // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т. 15, № 1. С. 55—67.
- Миронова Е. В. Медицинские работники и служащие Лаишевского земства // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 110—127.
- Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л., Белова А. В. Человек рожающий: История родильной культуры в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с.
- Мицюк Н. А., Белова А. В. Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII — начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 270—285.
- Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760—1860 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2017. Т. 16, № 3. С. 151—164.
- Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. Ю. П. Шаттона. М.: РГГУ, 2005. 444 с.
- Пушкарева Н. Л. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве // Государство и право. 1985. № 4. С. 121—126.
- Саматова Ч. Х., Ибрагимов Р. Р. Становление и развитие земской медицины в Лаишевском уезде Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2016. № 3/4. С. 260—268.
- Таиров Н. И., Таиров И. Н. Амина Валиулловна Алимбек // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2008. № 1. С. 283—285.
- Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А. III. Тхостова. М.: Академический проект, 2010. 252 с.
- Энгель Б. Женщины в России. 1700—2000 / пер. с англ. О. Полей. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 423 с.

References

- Biktimirova, T. A. (2011) *Stupeni obrazovaniia do Sorbonny* [Educational stages before the Sorbonne]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Engel, B. (2004) *A History of Russian Women. 1700—2000*. Cambridge University Press.
- Foucault, M. (2010) *Rozhdenie kliniki*. Moscow: Akademicheskii projekt.
- Gabdräfikova, L. R. (2013) *Povsednevnaia zhizn' gorodskikh tatar v usloviiakh burzhuaiznykh preobrazovaniĭ vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [Everyday life of urban Tatars in the conditions of bourgeois transformations of the second half of the 19th and early 20th centuries]. Kazan: Institut istorii AN RT.
- Gabdräfikova, L. R. (2025) *Tatarskaia zhenshchina na rubezhe XIX—XX vv.: traditsii i novatsii v ukhode za det'mi* [Tatar woman at the turn of the XIX—XX centuries: traditions and innovations in child care], *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ia*, vol. 15, no. 1, pp. 55—67.
- Mironova, E. V. (2020) *Meditsinskie rabotniki i sluzhashchie Laishevskogo zemstva* [Medical workers and employees of the Laishevsky zemstvo], *Istoricheskaya etnologiya*, vol. 5, no. 1, pp. 110—127.
- Mitsyuk, N. A., Belova, A. V. (2021) *Akusherskii trud kak pervaiia ofitsial'naia professiia zhenshchin v Rossii v XVIII — nachale XX v.* [Obstetric work as the first official profession of women in Russia in the 18th and early 20th centuries], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Istoriia Rossii*, vol. 20, no. 2, pp. 270—285.
- Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L. (2017) *От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760-1860 гг.* [From midwifery to obstetric science: analysis of obstetric literature published in Russia in 1760—1860], *Vestnik Smolenskoy gosudarstvennoi meditsinskoĭ akademii*, vol. 16, no. 3, pp. 151—164.
- Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L., Belova, A. V. (2022) *Chelovek rozhdaiushchii: Istoriia rodil'noi kul'tury v Rossii Novogo vremeni* [The Man Giving Birth: The History of Maternity Culture in Modern Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

«Я закричала: что вы делаете, я пойду мужиков взунтую!»:
акушерки-фельдшерицы в российской провинции на рубеже XIX—XX вв.

- Pietrow-Ennker, B. (1999) *Russlands "neue Menschen". Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution*. Frankfurt-New York: Campus.
- Pushkareva, N. L. (1985) Sotsial'no-pravovoe polozhenie zhenshchin v Russkom gosudarstve [Social and legal status of women in the Russian state], *Gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 121—126.
- Samatova, Ch. Kh., Ibragimov, R. R. (2016) Stanovlenie i razvitie zemskoi meditsiny v Laishevskom uезде Kazanskoï gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The formation and development of zemstvo medicine in the Laishevsky district of the Kazan province in the second half of the 19th and early 20th centuries], *Gasyrlar avazy — Ého vekov*, no. 3/4, pp. 260—268.
- Tairov, N. I., Tairov, I. N. (2008) Amina Valiullova Alimbek, *Gasyrlar avazy — Ého vekov*, no. 1, pp. 283—285.
- Valeeva, N. G. (2019) *Chistopol'skoe uyezdnoe zemstvo Kazanskoï gubernii (1865—1914 gg.)* [Chistopol district zemstvo of the Kazan province (1865—1914)], Moscow: Pero.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 06.03.2026.

The article was submitted 20.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 06.03.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Габдрафикова Лилия Рамилевна — доктор исторических наук, профессор Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник, Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, bahetem@mail.ru (D.Sc. (History), Professor of the Tatarstan Academy of Sciences, Principal Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation).

Миронова Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, yelena.mironova@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation).